

Лин Хиницу

Календарекон
мгновений

Лин Химицу
Калейдоскоп мгновений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303646

ISBN 9785448392702

Аннотация

Мои мысли – бред, Мое существование противоречит всем законам. Но во Вселенной Абсурда найдется место и для такого существа, как Я. Даже если это место – Делириум.

Содержание

Тайна	6
Не важно...	10
Я ухожу	13
Сожги свое сердце	16
Послание	19
Потерянная девочка	23
Пересечение	26
Чувство	30
Мой мир	32
Я рисую музыку сердца	37
1. Асимура Рицуко. Писатель	38
2. Фудо Рэйдзиро. Художник	44
3. Танака Сумирэ. Композитор	50
4. Ямасира Тэцуро. Программист	54
5. Слияние	57
6. Музыка сердца	67
Поезд	70
Цветы	74
Цвета	78
Время	82
Два видения	85
Видение первое. Прощание. Лето 2003-го	85
Видение второе. Одинокая могила посреди	89

заснеженного поля. Осень 2003-го
Конец ознакомительного фрагмента.

Калейдоскоп мгновений

Лин Химицу

Дизайнер обложки Лин Химицу

Иллюстратор Лин Химицу

© Лин Химицу, 2017

© Лин Химицу, дизайн обложки, 2017

© Лин Химицу, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9270-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тайна

Я повторяю снова и снова:

– Я тебя ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Мне надоело, что ты постоянно меня обманываешь, я больше не верю тебе – именно не верю, потому что доверия никогда не было, – поэтому я говорю о ненависти. На самом деле я не чувствую вообще ничего. Я уже не люблю тебя больше, но и ненависти нет. Только тебе это знать необязательно.

А ведь было время, когда я так любила этого парня, что, казалось, не вынесу этого.

Но это уже ни для кого не тайна.

Этой весной я сошла с ума. Я пишу бредовые рассказы с дикой скоростью. Их все окружает аура безумия.

Сегодня мне сказали, что я гений и то, что я написала – это шедевр. И именно это свидетельствует о моем безумии. Все шедевры созданы гениями. Все гении безумны в той или иной мере.

Но я убью всякого, кто посмеет напомнить мне о моем безумии. Достаточно и того, что я сама это знаю.

И все-таки, моя самая лучшая книга еще не написана. А когда я напишу ее, мне больше нечем будет заняться. Тогда я спокойно смогу умереть. Потому что нет у меня в этой жизни ничего, кроме того, что я сама создала.

Это тоже известно слишком многим, чтобы быть тайной.

Если найдется хотя бы один человек, которому очень плохо оттого, что меня нет, то в таком случае я согласна терпеть эту жизнь до самого конца.

Почему, для того чтобы научиться радоваться жизни, надо ощущать угрозу для нее? Если на то пошло, то угроза нашей жизни постоянно висит над нами – ведь умереть можно в любой момент от чего угодно, когда этого совсем не ждешь. Да рано или поздно все умрут. Только почему-то все забывают об этом, словно собираются жить вечно. Нет, мне неинтересно жить вечно. Слишком скучно.

Мне надоело притворяться, скрывать свое настоящее лицо за масками, но я сама уже не помню, как оно выглядит. Я даже не уверена – которая я настоящая? И если я перестану притворяться, то меня в один момент объявят сумасшедшей. Мне не хотелось бы остаток своих дней проводить в психуш-

ке – вдруг их осталось слишком много?

В последнее время я слишком много говорила об этом, так что это уже перестало быть моей тайной.

Когда я засыпаю, мне снятся чудесные сны, когда я просыпаюсь, я продолжаю грезить ими наяву. Минуты облетают, как осенние листья. Каждую весну я жду, как чуда. Я жду ее прихода и верю, что она принесет с собой волшебные перемены.

Уже столько лет, а я все жду. Но я не виновата в этом. Так уж получилось. Дни мелькают вокруг меня в бешеном хороводе, а я все будто во сне. Я словно спряталась на дне моря в своей прочной колючей раковине – не подойти близко и не разглядеть меня из-за этой брони.

Надо уметь не терять что-то в результате своих действий, а обретать. Я так не умею. Надо уметь понимать других – я старательно пытаюсь следовать этой заповеди, но не всегда удается. Надо стараться помогать другим – это я могу, но кто поможет мне?

Мне слишком скучно в этом мире. И даже мое сумасшествие – это всего лишь способ избавиться от скуки. А вы чего ожидали? Ну, извините, что не оправдала ваших ожиданий – да я никогда ничьих ожиданий и не оправдываю.

Но это тоже не моя тайна.

Даже если я разденусь догола, даже если вывернусь наизнанку, если меня просканировать на клеточном уровне, прочитав все мои мысли, нырнуть с аквалангом в омут моей

души – все равно все мои тайны останутся при мне. Что бы я ни говорила – все будет казаться неправдоподобным и останется неясным, говорила ли я правду или обманывала.

Тайной я была, Тайной и останусь. Никем не понятая, никем не разгаданная, никем не услышанная.

Вот это и есть моя тайна.

Полюбовалась на мир и хватит, пора обратно в свою раковину.

Может быть, мы еще и встретимся, лет этак через сто, когда мне снова захочется пооткровенничать с кем-нибудь, и я на время снова покину свое убежище.

До свидания!

27. 05. 2003

Не важно...

Осень пришла внезапно. Мы ее совсем не ждали...

Все закончилось так неожиданно...

Золотые листья кружатся в воздухе медленным последним танцем – это все, что им осталось.

Осень бросила их нам как прощальный подарок.

Она развела на своей палитре раздолье блестящих красок – золото, пурпур, багрянец, алый, оранжевый и желтый. И совсем немного серого.

Малярной кистью, не жалея цветной густой жижи, она расписала наш мир.

Но краски осени неустойчивы. Они быстро поблекли и стали унылыми пыльно-серыми.

Пепел сгоревших надежд ветер разносит по свету...

Мы как будто чужие друг другу...

Ты ушел в эту мокрую серость и тебя больше нету.

Мы слепо шагаем по кругу...

Когда волшебство ушло, ты не захотел оставаться и отправился на поиски новых чудес.

А я все надеялась, что ты вернешься.

Наивная.

Ты не вернулся.

После твоего ухода внутри начала разрастаться пустота.

Ее можешь заполнить только ты.

Но тебя нету.

Я хочу найти тебя.

И уже не важно, что будет дальше.

Вместе с листьями лечу по ветру на поиски тебя.

Свет...

Теплое золотое сияние...

Затерялось в серой мгле...

Где же ты?

Нету...

Нету тебя нигде...

Ветер несет меня дальше.

Опустевший тусклый город. Преддверие ночи. Я одна посреди этого пустого города. Слепые окна домов с издевкой смотрят на меня. Здесь прячется пустота...

Настойчиво продолжаю свой поиск.

Я все равно разыщу тебя, где бы ты ни был.

А все остальное уже не важно.

В лужах отражается перевернутый мир. Может быть, я найду тебя там?

Нет...

Идет дождь...

У меня нет зонта. Он мне не нужен.

Мне нужен ты.

Мой сказочный принц.

Я обязательно найду тебя.

Кроме этого ничего больше меня не волнует.

Если для того, чтобы найти тебя потребуется стать волшебницей – я стану ею.

Если ты не можешь существовать в мире, где не чуда – я сама буду самым величайшим чудом на свете.

У меня есть цель – найти тебя.

Я знаю, как найти тебя.

И найду, чтобы снова обрести целостность.

Потому что ты – это я.

И ничего больше.

Я ищу себя?

Да.

Ведь я – это ты.

Я все равно найду тебя.

Все остальное будет не важно.

Если ты будешь рядом со мной – нет ничего важнее.

Я добилась своего? Цель достигнута?

Не все ли равно?

Это уже не важно.

Не важно...

13. 06. 2003

Я ухожу

Я ухожу от тебя.

Мне нет места среди твоих друзей, среди твоего мира. Я никогда не стану здесь своим человеком. Поэтому я ухожу. Ухожу в никуда, потому что мне нигде нет места.

Ты не предусмотрел места для меня, когда создавал свой мир – правильно, ты же не мог предвидеть, что я когда-нибудь приду. А теперь все свободные места уже заняты и для меня нет ничего.

Я всего лишь очередная безликая тень в бесконечной веренице тусклых призраков, чередой идущих мимо тебя.

Каким силам было угодно, чтобы все происходило так, как происходит?

Случись нам встретиться раньше – и мы могли бы стать друзьями. Это не значит, что сейчас мы враги. Всего лишь никто. Вернее, это я никто для тебя, а ты значишь для меня очень много.

Я не хочу обижать тебя или причинять боль, но боюсь, что это может случиться. Тогда я не прощу себе этого и это еще одна причина, по которой я ухожу.

Ну и конечно, я ухожу, чтобы потом не было слишком больно мне. Лучший момент для этого был упущен, мне надо

было уйти раньше, но тогда все казалось таким теплым, мягким и уютным, что не хотелось оставлять это без присмотра. А ведь тогда уйти было бы намного легче.

Сейчас я уже оглядываюсь, с трудом рву ниточки, нервами привязавшие меня к тебе. Немножко больно, но вполне терпимо. Если я промедлю еще, тщетно надеясь на лучшее, то боль станет непереносимой. Не хочу.

Я ухожу, но напоследок хочу пожелать тебе быть счастливым. Пусть у тебя будет все то,

чего бы мне хотелось для себя и чего у меня никогда не будет. Будь счастлив за себя и за

меня. Я дарю тебе все, чем обладаю – удачу, талант, радость, любовь. Взамен я заберу все,

что может доставить тебе неприятности, огорчить тебя, сделать больно, заставить страдать. Пусть я буду самым несчастным и одиноким человеком на свете – лишь бы у тебя все было хорошо. И еще – я хочу, чтобы ты забыл о моем существовании, о том, что мы были знакомы.

Не пытайся меня догнать и остановить – ничего не получится. Не ищи меня – все равно не

найдешь. Я не вернусь. Я слишком люблю тебя для этого.

Но что это я? Тебе ведь и в голову не придет останавливать меня.

Не люблю долгих прощаний – они вызывают ненужные слезы. Лучше было бы вообще уйти не прощаясь. Но я не могу так поступить с тобой, мне надо было объяснить причину,

почему я так делаю, чтобы ты понял и не мешал мне довести
начатое до конца.

Я уйду.

Прощай. Мы больше никогда не увидимся.

19. 05. 2003

Сожги свое сердце

Эй, тебе еще не надоело, что с твоим сердцем поступают подобным образом?

Как только оно начинает оттаивать, его тут же обдают холодом, еще более сильным, чем прежде. Снова, снова и снова.

Это же очень больно. Хочешь прекратить это безобразие?

Возьми свое сердце и сожги его дотла.

А пепел развей по ветру, чтобы не осталось ни малейшей надежды на его возрождение. Это тоже больно, но эта боль очень скоро утихнет. Теперь у тебя вместо сердца выжженная дыра.

Ну и что? Кто об этом узнает? Зато теперь никто и ничто не сможет причинить тебе боль. И никакие переживания уже не затронут тебя. Равнодушие ко всему и полный покой – вот что ожидает тебя отныне.

Ну, как, нравится такое состояние? Оно ведь лучше, чем когда тебе постоянно делали больно. Успокойся, теперь тебе будет хорошо. Главное – не позволяй никому напоминать тебе о твоих прежних чувствах и воспоминаниях. Иначе здесь ничего не поможет – глупое мертвое сердце воспользуется этой лазейкой и поспешит возродиться. И все вернется на круги своя. Но ты ведь не хочешь этого? Зачем тебе повторять свои страдания? Поэтому наберись мужества и раздайся с ним раз и навсегда.

Ну, что ты медлишь? Боишься? Не можешь решиться? А может действительно, не стоит этого делать? Покой-то ты получишь, но уже больше никогда не сможешь почувствовать радость, любовь, нежность, сочувствие, печаль, счастье... Тебя это не устраивает? Пускай будет больно, но лишь бы все это осталось при тебе? Тогда к черту все! Забудь о моих советах. Живи так, как подсказывает тебе твое живое сердце. Плачь, страдай, радуйся – наслаждайся каж-

дой минутой жизни так, словно она у тебя последняя. Ведь судьба ничего не дает просто так. За все счастливые моменты придется заплатить болью – либо до, либо после. Но именно эта игра стоит свеч. Ни одна жертва не бывает напрасной. И только ты решаешь, что выбрать. Все зависит от тебя. Действуй!

27. 02. 2003

Послание

Грустно.

Очень грустно.

Сегодня день рождения. Нет, не мой, хотя мой день рождения тоже всегда бывает грустным. Сегодня твой день рождения – моего лучшего друга.

Почему это так грустно? Потому что я уже который год буду отмечать этот день без тебя. Потому что ты... потому что тебе... потому что тебя нет в живых.

Сегодня с утра небо не просто плачет дождем, как в песне. Небо рыдает, небо заливается слезами, заходится в истерике. А ведь вчера ничто не предвещало такой перемены погоды – было тепло, солнечно и сухо.

Я одеваюсь во все черное – подходящий цвет для этого печально-торжественного дня. Сегодня я буду думать только о тебе. И вспоминать.

Ты вошел в мою жизнь случайно, мы и виделись-то с тобой всего один-единственный раз, правда, после мы писали друг другу письма. Замечательные письма. Таких больше не будет. Никогда. У тебя было достаточно редкое имя – как у сказочного принца. Ты умудрился стать моим лучшим, моим единственным другом. И мне очень плохо без тебя.

Но я не плачу. Я не могу плакать. Я выплакала все слезы еще в тот страшный день, когда я получила то письмо. От те-

бя долго не было известий и я поначалу обрадовалась, увидев обратный адрес. Но когда я прочитала его... Я поверила сразу. И во мне что-то умерло в этот момент. Я даже не помню, как добралась домой. Потом мне говорили, что у меня были до жути пустые глаза и мертвое лицо. Меня спросили, что случилось и я ответила, что ты умер. И тогда слезы хлынули из моих пустых, мертвых глаз. Я плакала и все спрашивала, почему это случилось с тобой, а не со мной, ведь ты больше меня заслужил жить. Но никто не мог мне ответить. Может быть, ты ответил бы мне, но тебя уже не было. Я плакала почти целые сутки, я билась головой об стены, я пряталась ото всех, я хотела умереть. Меня убивало страшное слово НИКОГДА. Никогда я тебя больше не увижу. От понимания этого становилось еще больнее. Я задыхалась от боли. Не знаю, как я выдержала. Я даже не сошла с ума.

Мир не рухнул от того, что тебя в нем не стало. Он просто стал не таким цветным. Моя жизнь тоже не кончилась. Но мне все еще больно, когда я думаю о тебе. И такого друга, как ты у меня больше нет. И все же я уже не плачу. Мне просто грустно.

Я помню строчку из твоего последнего письма, она всегда стоит у меня перед глазами. Ты писал мне – не вешай носа, у нас еще вся жизнь впереди. Вся. Жизнь. Впереди. Только не у нас. Только не у тебя. У меня. Зачем? Я часто мысленно разговариваю с тобой, мне кажется, что ты слышишь меня, только вот ответить не можешь. Или я не слышу твоих

слов. Я снова и снова спрашиваю – зачем? Почему ты, почему не я? Кому это было нужно? Я бы с радостью поменялась местами с тобой, но это невозможно и слишком поздно думать об этом.

Прошло уже восемь лет с тех пор, как я видела тебя и семь лет, как тебя нет в этом мире. Семь лет – так много и так мало... Раньше ты был старше меня, а теперь я уже обогнала тебя. Я уже почти не помню, как ты выглядел, у меня есть только одна твоя фотография, на которой ты не очень-то похож на себя. Но разве это важно? Я просто помню тебя.

И вот сегодня, когда небо никак не могло успокоиться, а моя душа была полна тоски, пришел человек с твоим именем. И лет ему было столько же, сколько и тебе, когда тебя не стало. Когда я узнала об этом, мое сердце остановилось, во рту пересохло, руки задрожали, в голове осталась только одна мысль – это твой привет. Конечно, если бы этот человек пришел вчера или завтра или возраст у него был бы другой, то я не придала бы этому значения. Но столько совпадений сразу – это слишком невероятно. Он должен был прийти еще, и я загадала, что если он вернется, то это просто случайное совпадение и не больше.

Он не пришел.

Это еще больше убедило меня в том, что мое первое впечатление было правильным. Это действительно весточка от тебя.

И теперь я жду. Я не знаю, чего именно. Но жду. Может

быть, мне придется ждать еще долго – не знаю. Но я буду ждать. И я дождусь.

Просто теперь у меня есть невероятная надежда, что мы с тобой еще увидимся. И слово НИКОГДА уже не пугает меня. Боль утихает. У нас еще вся жизнь впереди.

С днем рождения!

18. 05. 2003

Потерянная девочка

Я – Потерянная Девочка.

Меня потеряли давным-давно. С тех пор я блуждаю в пустых потемках.

Я потеряна во времени и пространстве. Где я? Сколько мне лет? Эти вопросы уже целую вечность назад утратили свой смысл.

Не знаю. Ничего не знаю.

Сумерки души.

Ушла в себя. Буду нескоро.

...ни тени улыбки – Потерянная Девочка всегда серьезна... ее волнуют только глобальные проблемы... как сделать счастливыми всех... что такое любовь... можно ли отделить свет от тьмы... и другие, не менее важные вопросы. Мелких проблем и радостей она не замечает.

Бедняжка. Сколько таких, как она – ищущих и не находящихся. Вечен их поиск.

...кругом пусто... кругом темно...

Пройти сквозь лабиринт сознания. Может быть, отыщется путеводная ниточка?

Нет. Тщетно.

Меня никак не найдут. Или даже и не ищут? Почему меня никто не ищет – я никому не нужна? Тогда зачем я существую? В чем смысл моей жизни? А может быть, его и вооб-

еще нет? Какая у меня цель, да и есть ли она?

Потерянная Девочка никогда ничего не находит. А если и находит, то тут же теряет. Все уходит, утекает песком сквозь растопыренные пальцы.

В первую очередь, Потерянная Девочка теряет саму себя.

Она может пройти мимо вас и не заметить, может мимоходом одарить счастьем – но оно будет недолговечным, как и все ее подарки, а может и обрушить кучу неприятностей. Не вините ее в этом, она не осознает, что делает.

Это же Потерянная Девочка.

У Потерянной Девочки нет ничего – ни чувств, ни привязанностей. Все потеряно вместе с ней. Но не она тому виной. Простите ее.

Она не умеет наслаждаться жизнью. Ей некогда. Она ищет. Ищет то, что потеряла. Ищет тех, кто потерял ее.

Маленький, манящий огонек вдруг замаячит впереди трепещущим светлячком.

Может быть, это свет далекого маяка? Может быть, там – потерянный дом?

Потерянная Девочка стремится к неведомому свету. Но увы – бабочка вновь опалает крылышки.

...разочарование... еще одно...

...больно...

Но Потерянная Девочка вновь расправляет поникшие было плечи и устремляется к следующему огоньку.

Возможно, она опять сгорит, а вдруг все-таки найдет то,

что искала?

Помогите ей выйти из гулкой пустоты самообмана, где она обречена ходить по кругу. Протяните ей руку помощи. Вдруг окажется, что это именно вы когда-то потеряли ее

Найдите ее. Найдите, пока не стало поздно, пока она не потерялась окончательно и не превратилась в рыдающую Потерянную Душу.

Помогите ей найти себя. Выведите ее на свет из той темноты, где она бродит сейчас. Снимите повязку с ее глаз, возьмите крепко за руку, чтобы она случайно не отстала от вас.

И Потерянная Девочка перестанет быть потерянной.

Только, пожалуйста, больше не теряйте ее.

27. 05. 2003

Пересечение

*Ярику.
Только ты знаешь,
что было на самом деле,
а что выдумка.*

У них были совершенно разные дороги, но однажды их пути пересеклись в какой-то узловой точке, и они познакомились.

Она была самой обыкновенной – так считали многие. И очень мало кто знал, что под обычной внешностью скрывается невероятная сущность – практически божество, но божество, ограниченное рамками смертного тела.

Он тоже был самым обыкновенным – так могло показаться на первый взгляд. И практически никто не смотрел на него достаточно пристально, чтобы разглядеть в нем существо, способное сделать любого счастливым, дав ему то, что нужно.

У них были разные миссии в этом мире, но, тем не менее, зачем-то оказалось нужным, чтобы они встретились...

– Когда я встречаю Алису, я хочу сделать для нее сказку, – сказал он.

– Я не Алиса и ты не сможешь сделать сказку для меня, – грустно ответила она. – Это невозможно. Это не под силу

никому.

– Ты же знаешь, я ведь могу любому дать то, что ему нужно, – напомнил он.

– Знаю, – согласилась она. – Но сейчас – не тот случай. Ни ты, ни я ничего не можем изменить.

– Я мог бы, – упрямо возразил он. – Но я не хочу причинять тебе боль, а если ты ко мне привяжешься, то рано или поздно именно этим и закончится, потому что я не могу принадлежать кому-то одному и когда-нибудь мне придется уйти. Я не могу останавливаться на достигнутом, – слегка извиняющимся тоном добавил он.

– Ты или слишком поторопился с выводами, или слишком опоздал со своим предостережением, – туманно ответила она. – У меня нет сердца – оно давно сгорело, а остывший пепел покрылся льдом. И через выжженную дыру медленно затекают пустота и холод. Я прихожу туда, где я нужна, где меня ждут, и ухожу тогда, когда мое присутствие становится лишним.

– Как все это до боли знакомо... – проронил он.

– Я всегда была одна и останусь одна до конца.

– Как это печально – умирать в одиночестве. Разве тебе не хотелось бы, что бы в этот момент с тобой рядом был кто-то, кто дорог тебе?

– Нет. Это был мой собственный выбор и я о нем не жалею.

– Черта с два я позволил бы тебе оставаться одной, ес-

ли бы это было в моих силах! – рывкнул он.

– Спасибо, – она улыбнулась, но глаза оставались по-прежнему грустными. Видимо, раньше она не думала о такой возможности или уже слишком давно привыкла считать ее неисполнимой. – Но я же говорила, что ты не можешь ничего изменить. Хотя никто не запрещает тебе пытаться сделать это. Выбор за тобой. Поступай, как хочешь.

– Терпеть не могу выбирать! – заявил он сердито.

– Я тоже, – сказала она безмятежно. – А что поделаешь? Рано или поздно выбирать приходится всем...

– Тогда пусть все идет так, как идет, а там видно будет, – неопределенно буркнул он.

Скорей всего такой случай на его пути ему попался впервые за все время, и он был несколько озадачен.

– Раз мы встретились, значит, это для чего-то нужно, – сказала она. – Случайностей не бывает. Когда-нибудь наши дороги разойдутся, но сейчас, видимо, наша встреча нужна нам обоим. Для чего – пока не знаю, я тоже не могу знать всего. Возможно, это станет известно только какое-то время спустя. Но разве нельзя просто получать удовольствие от того, что мы здесь, сейчас и хорошо понимаем друг друга, до тех пор, пока есть такая возможность?

– Можно, – сказал он серьезно. – Особенно, если это делает тебя хоть чуть-чуть счастливее. Я бы хотел, чтобы все были счастливы...

– На некоторое время – сделает, – улыбнулась она, на сей

раз уже беспечально.

Их пути еще какое-то время будут идти рядом – до тех пор, пока он не поймет, что сделал для нее все, что в его силах, а она не почувствует, что он больше не нуждается в ней. Тогда пересекшиеся однажды дороги разойдутся.

Но так как их неведомые тропы длинны и извилисты, возможно, когда-нибудь еще они пересекутся снова в очередной узловой точке. Кто знает?

27. 02.2005

Чувство

Такое странное чувство... Что это? Никак не могу понять... Пытаюсь сравнить его с чем-то и не нахожу подходящих сравнений.

Рисунок на морозном стекле, снежинка на ладони, пыльца на крылышках бабочки, капелька росы на кончике травинки, свет далекой звезды, лунные блики на ночной реке, вечерние сумерки, утренний туман над лугом, распускающийся бутон, аромат ландыша на рассвете, радуга после дождя...

Что-то такое хрупкое и нежное, что так легко спугнуть, сломать неосторожным движением. Эта хрупкость навевает

печаль и ощущение близкой утраты – как последний желтый лист на осеннем ветру. Хочется спрятать это чувство поглубже внутри себя, уберечь, защитить его от жестокостей мира.

Благоговейный трепет и восхищение...

Все тонет в теплом и радостном сиянии, от которого становится так легко и уютно на душе. В это чувство хочется закутаться, как в пушистый мягкий плед в зимнюю стужу.

Но нельзя. Ведь оно слишком непрочное, слишком легко его разрушить.

Лучше действительно схоронить его в себе, пусть никто и не догадывается о том, что оно у меня есть.

И только оставшись в одиночестве, я вернусь в него, чтобы снова погрузиться в те волшебные минуты, которые меня заставляют переживать это странное, неведомое мне доселе чувство.

И никакие сокровища мира не заставят меня отказаться от него.

Потому что нет ничего дороже и прекраснее этого чувства, имени которого я не знаю...

24. 03. 2003

Мой мир

Среди бесконечного множества вселенных существует один особенный мир. Особенный для меня, потому что это мой мир.

Это совсем не тот мир, в котором я существую. Нет. Это мое убежище, в котором я скрываюсь от надоевшей мне реальности, окружающей меня.

Ты хочешь увидеть мой мир? Хочешь узнать, какой он? Ну что ж, я могу взять тебя с собой и тогда ты все увидишь своими собственными глазами.

Закрой глаза и дай мне руку. Идем.

Ну вот мы и на месте. Теперь можно открыть глаза.

Это прекрасный, волшебный мир. Его населяют странные, но чарующие существа. Он тихий и спокойный, в нем нет никакой агрессии и злобы. В нем даже грозы мимолетны. И никогда не бывает разрушительных бурь, ураганов, землетрясений и прочих природных катаклизмов.

Он весь наполнен теплым золотисто-розовым сиянием, которое вечером сменяется голубовато-серебристым или сиреневым, как сумерки.

Там почти все время весна и лето. Зима и осень так кратковременны и прекрасны, что не успевают надоесть. Деревья всегда зелены от листвы, кругом великое множество самых разнообразных цветов, цветущих даже ночью.

Ни среди животных, ни среди растений или насекомых, нет ни одного ядовитого или опасного для жизни.

Над всем этим великолепием царит прекрасный замок Мечты, похожий на эфемерное облачное творение. Когда я попадаю в свой мир – я живу в этом замке. Но сейчас наш путь лежит мимо замка, дальше, через цветущие сады и рощи к синим скалам. Там, низвергаясь из поднебесной вышины, грохочет водопад. Перед тем, как слиться с протекающей мимо рекой, он на мгновение становится радугой. Это самое

величественное зрелище в этом мире.

Почему вдруг тебя заинтересовало то, что может скрываться за оглушающей стеной воды? Тебе лучше не знать этого. Подумай как следует, неужели тебе так хочется увидеть ВСЕ? Я бы не хотела показывать это, но раз ты настаиваешь... Тогда сожми мою руку покрепче и ни за что не отпусти. Потому что я сама боюсь того, что мы сейчас увидим.

В скале за водопадом пробит проход, перегороженный стальным щитом. На нем надпись – такая же, как при входе в ад: «Оставь надежду, всяк сюда входящий».

Совершив короткий переход по этому темному коридору, мы окажемся на голой выжженной равнине, чем-то похожей на солончаки. Временами над ней проносятся пылевые смерчи. Чуть поодаль начинаются заросли колючего безлистного кустарника и невысоких корявых деревьев, чьи ветви, похожие на коряги, никогда не знали ни единого листочка. Мертвый лес. Налетающие резкие порывы ветра вызывают в его глубинах скрип, хруст и сухой перестук. Небо черно-фиолетовое, беззвездное. Луна – устрашающе огромна и зловещим блином нависает над этим миром. Вдали, это видно сквозь переплетение ветвей, горят какие-то огни. Не то костры, не то что-то еще...

Ты все еще хочешь продолжить путь? Ведь пока не поздно вернуться... Нет? Хорошо. В таком случае идем прямо к этим далеким огням.

Странные и страшные тени мелькают между деревьев. Че-

рез некоторое время под ногами начинает мерзко чавкать и хлюпать – солончак постепенно превращается в болото.

Вся живность – от мошкеры до крупных животных – так или иначе норовит поживиться редкими путниками, по неосторожности попавшими в это зловещее место.

Кое-как избежав сомнительной чести быть съеденным кем-либо из них, мы все-таки наконец приближаемся к огням.

Это действительно костры. Огромные костры, в которых пылают человеческие тела – целые или только их части. Едкий удушливый чад горелой плоти режет глаза и вызывает выворачивающий наизнанку кашель. Кругом валяются изуродованные трупы – с выпущенными внутренностями, отсеченными конечностями, размозженными черепами. Некоторые еще продолжают подрагивать в последней агонии.

Это мир, в котором царят ужас, смерть, кровь, похоть, насилие, боль и страдание.

Сейчас здесь еще более-менее тихо – видимо, разгул всей нечисти недавно завершился и они все вернулись в свое обиталище – мрачный и жуткий замок Смерти.

Нет, туда мы не пойдём и не проси. Лучше будет, если мы все-таки уберемся отсюда, не потревожив местных обитателей. Если наше присутствие здесь будет обнаружено, то тебе точно не уцелеть, даже я не смогу защитить тебя от них, твоя участь будет настолько ужасна, что смерть по сравне-

нию с ней покажется праздником.

Возвращаемся в первый мир. Вовремя – от замка Смерти поползли извивающиеся тени.

Ну вот, у тебя была возможность увидеть все, или почти все, своими глазами. Отвратительное и ужасное зрелище, я знаю. похоже на ад, верно? Вот только хозяйка всего этого я, это меня всегда ждут в этом черном замке. Потому что это тоже часть меня. Та часть, которую я старательно прячу на самое дно души, подальше ото всех и в первую очередь от себя самой. Я действительно боюсь этого – боюсь настолько, что просыпаюсь среди ночи в холодном поту или, неожиданно почувствовав его ледяное прикосновение, вздрагиваю без видимой причины. Боюсь, что когда-нибудь темная сторона моего мира с легкостью сокрушит красивые декорации светлой стороны и тогда...

И тогда наступит конец света.

15. 05. 2003

Я рисую музыку сердца

Безумный калейдоскоп, в котором
вместо разноцветных стеклышек —
осколки моей мечты, мои друзья и знакомые.
Не пытайтесь угадать, кто есть кто.
Слишком все перемешалось в этой круговерти.

1. Асимура Рицуко. Писатель

Мои мысли бьют фонтаном сразу во все стороны. Моя рука не успевает ловить эти разноцветные слезы на кончик стержня моей авторучки и записывать. Я пишу все, что приходит в мою бедную голову. Вернее, все, что успеваю.

Раньше я писала только замечательные волшебные сказки с обязательно счастливыми концами. Но время сказок в моей жизни закончилось и я поняла, что счастливые концы выглядят слишком фальшиво, чтобы сохранить за собой право на существование. И все сказки ушли куда-то, не оставив мне своего нового адреса и даже не помахав на прощание.

Теперь я сею в нетронутый снег бумаги крючковатые семена букв, которые, прорастая, дают всходы безумных слов, плодоносящих бредовыми фразами.

Бред тоже может завораживать. Да еще как! Не всякий безумец – писатель, но всякий писатель – настоящий писатель! – хоть немножко, но безумен. А для того, чтобы бред стал завораживающим, надо иметь талант.

Говорят, что у меня он есть.

Не знаю, судить не мне. Для этого есть критики и читатели. Причем мнение читателей я ценю выше, хотя критические замечания тоже полезны. Для общего развития. Просто, чтобы жизнь сахаром не казалась.

А своих читателей я уже нашла.

Это такие же ненормальные, как и я.

Для них я продолжаю выпускать на белое поле листа шустрые букашки букв, длинные многоножки слов. Для них я хочу описать, что чувствуют паруса, когда их наполняет ветер, о чем думает капелька росы за мгновение до того, как сорвется с лепестка вниз, что видят звезды, когда ангелы поют им свои странные песни, как выглядит тишина, напоенная духовитостью ночных цветов.

Но больше всего я хочу описать музыку сердца.

А хватит ли моего таланта на это? Может быть, он недостаточно хорош?

Я всегда очень четко вижу те образы, которые описываю. Но у меня не всегда находятся нужные слова для точного описания.

Как описать музыку? И не просто музыку, а именно музыку сердца?

Я пытаюсь, но это тоже самое, что играть на ненастроенном инструменте – все получается искусственным, ненастоящим. Слова, которыми я испещряю очередной лист, теряют всякое значение, становясь фальшивыми звуками и авторучка спотыкается на них.

Я комкаю еще один испорченный листок и пускаю его в недолгий полет между четырех стен. Недавно начатая пачка бумаги стремительно худеет, а пол комнаты исчезает под бумажными сугробами моих неудачных попыток. Да, никогда в этом доме не будет порядка!

У меня есть компьютер, но я предпочитаю создавать свои творения на бумаге шариковой ручкой. Пустое мерцание монитора настораживает меня и я не могу полностью отдаться творчеству – мысли срочно вспоминают, что у них есть еще куча дел, помимо того, чтобы снабжать меня новыми идеями и стремительно разбегаются кто куда. Может быть, мерцание пустоты пугает их?

Другое дело, когда передо мной лежит совершенно новый лист, чистый, как душа невинного ребенка, как слезы фей, что утром остаются на траве, а мы принимаем их за росу. Моя рука замирает от восхищения, не решаясь нарушить его прекрасную белизну, словно излучающую слабое сияние. Мои мысли тоже приходят в восторг и ошеломленной толпой возвращаются ко мне, чтобы вместе со мною любоваться этим маленьким чудом.

Мне жаль совершать акт насилия над его целомудрием. Но я не могу не писать. И потому ручка отравленным жалом решительно впивается в белоснежную бумажную плоть, оставляя на ней вытатуированный рисунок, выжженные темные шрамы на бледной коже.

И снова не то. И еще один изуродованный лист, смятый моей безжалостной карающей рукой, начинает свой полет в никуда. Его дальнейшая судьба меня уже не интересует.

Я прихожу в отчаяние – никак не могу написать то, что хочется. Несколько листков уже не просто скомканы, а разодраны мной в клочья в порыве бессильной злобы.

Интересно, хоть кому-то из моих читателей удастся видеть в моих текстах то, что вижу я, когда пишу их?

Швырнув на стол в знак протеста ни в чем не повинную ручку, я окидываю взглядом царящий вокруг бедлам и молча выхожу из дома. Уберу все это как-нибудь потом.

Я иду, не разбирая дороги, все равно куда. Просто на ходу мне легче думается.

Почему я не могу выразить словами музыку сердца? Может быть, потому что я не слышу ее?

От огорчения у меня возникает дикое желание закурить. Странно – я ведь вообще не курю и даже никогда и не пробовала. Чтобы справиться с этим – как-то не хочется обзаводиться еще одной вредной привычкой, – я отламываю веточку вишни, всю усыпанную нежно-розовыми цветами, которые почему-то вызывают у меня ассоциацию с морскими ракушками, сую ее обломанным концом в рот и начинаю ожесточенно грызть. Проглатываю горьковатую слюну. Курить больше не хочется.

В голову воровато закрадывается мысль – а почему бы не зайти к Рэйдзиро? Все равно, я собиралась на днях занести ему очередное мое творение, чтобы он его проиллюстрировал. Да и живет он тут поблизости. Решено – иду к нему. Может он что и подскажет мне.

Фудо Рэйдзиро – художник. Он иногда иллюстрирует мои книги. Обычно у него получаются рисунки, которые многим кажутся странными. Но они точно отражают то, что вижу

я – как будто Рэйдзиरो смотрит моими глазами. Я никогда не подсказываю ему, что надо рисовать. Он сам решает – рисовать красками или карандашом, сделать рисунок цветным или черно-белым, закончить его или оставить в виде эскиза. Потому что я уже неоднократно убеждалась, что его выбор всегда оказывается верным. Более того, единственно верным.

Я выворачиваю все многочисленные карманы куртки в поисках наличности – не люблю приходить в гости с пустыми руками. На мое счастье в общей сложности наскреблась порядочная сумма – хватит и на что-нибудь сладкое к чаю и на проезд, если вдруг я задержусь допоздна у Рэйдзиро, а такое частенько случается.

Магазины работают до глубокой ночи, я захожу в какой-то из них и долго выбираю из огромного ассортимента имеющихся сладостей. Вообще-то Рэйдзиро не любит сладкое, но никогда не отказывается съесть конфетку или печенье за компанию со мной. К тому же у него могут быть друзья – я ведь сегодня без предупреждения.

Когда я, наконец, добираюсь до дома Рэйдзиро и он, улыбаясь до ушей – он всегда так улыбается, когда прихожу я, – выясняется, что так оно и есть, сегодня все словно сговорились прийти к нему. Слава всему святому, что нынешних его гостей я знаю хорошо, не люблю находиться в обществе незнакомых людей.

Их двое, надеюсь, больше и не будет. Танака Сумирэ

и Ямасира Тэцуро. Сумирэ музыкант, сама сочиняет музыку и вполне хорошую. А Тэцуро программист. Я довольно часто вижу их вместе, хотя непонятно – что у них может быть общего? Ладно, это не мое дело, да и нет у меня привычки лезть в чужую жизнь.

Рэйдзиро у нас знаток чайной церемонии и чаепитие занимает приличный кусок времени. Во время тяною невозможно бурно общаться, поэтому пришлось отложить разговор. Но я люблю пить чай, особенно в обществе Рэйдзиро, потому набралась терпения.

Откуда-то у него объявился котенок. Оказывается, подарок Сумирэ и Тэцуро. Хорошо хоть не крокодила притащили, с них бы это случилось.

Я удостоилась великой чести придумать имя котенку. Косичка, черненькая, очень милая. Первое, что мне пришло в голову – это слово «химицу». Тайна.

Рэйдзиро посмотрел на меня каким-то странным взглядом, не то оценивающим, не то просто задумчивым и согласился с моим выбором.

После чая нам с Тэцуро вручили папку с последними набросками, которыми Сумирэ не заинтересовалась. Пока мы их рассматривали, Рэйдзиро бегло знакомился с моей новой повестью, которую я притащила на его рассмотрение в электронном виде, то есть на дискете. А Сумирэ рассеянно наигрывала что-то на синтезаторе, который каким-то чудом имеется в студии Рэйдзиро.

2. Фудо Рэйдзиро. Художник

Я художник. Я рисую сны. Свои и чужие. Есть у меня такой дар.

В детстве я никогда и не предполагал, что стану художником, я и рисовать-то не любил и не умел. Но потом, когда мой дар проявился в полной мере, пришлось выбрать способ, которым можно было бы его выразить. Обязательно. Сначала я хотел стать фотографом, но разве можно фотографировать сны? Тогда я решил, что мне надо научиться рисовать. Причем не просто рисовать, а лучше всех – ведь чем лучше я буду владеть кистью и карандашом, тем совершеннее я смогу передать то, что вижу.

И я посвятил всего себя учебе. Я закончил художественную школу, потом поступил в академию, проходил всевозможные курсы и мастер-классы, брал уроки у известных художников. Сейчас я уже считаюсь одним из лучших. Совершенство недостижимо в принципе, но к нему всегда надо стремиться, я далеко не мастер, но я еще молод, у меня все впереди.

Денек сегодня выдался славный. Спокойный, солнечный. Я встал раненько, еще и пяти утра не было, совершил свою обычную пробежку – что ж, если художник, так и спортом заниматься не надо? Я, между прочим, еще и мастер кэндо, но об этом мало кто знает. С полчаса я просто сто-

ял и встречал восход солнца. Каждый рассвет неповторим в своей мимолетности, надо почаще вот так вот выкраивать время на любование красотой.

Искупавшись в золоте новорожденного солнца, я почувствовал внезапный прилив вдохновения и зуд в ладонях, соскучившихся по ребристым граням карандаша или плавной округлости кисти. Я рванул домой, чтобы не упустить этот удачный момент и беспрерывно рисовал до самого обеда, благополучно забыв про завтрак.

Меня отвлек звонок телефона. Звонил мой старый друг Тэцуро – напрашивался в гости. А поскольку он практически не расстается с Сумирэ, то следовало ожидать и ее.

От перепачканных грифелем пальцев на светлой трубке остались неряшливые темно-серые отпечатки. Полой рубашки я стер их. Все равно, рубашка уже была заляпана краской так, что передо мной всерьез замаячил вопрос – а не проще ли ее выбросить, чем отстирать?

Тэцуро с Сумирэ заявили аккурат к самому обеду. Притащили с собой котенка. Совершенно черного. Сказали, что его необходимо пристроить в хорошие руки – не могу ли я оставить его у себя? Я хотел было отказаться – живу один, часто приходится уезжать, кто будет приглядывать за котенком? Они хором заявили, что для таких случаев пригодится Рицуко. Надеюсь, что я покраснел не слишком заметно. Чтобы скрыть смущение, согласился оставить кошачонка себе.

После обеда легка на помине появилась и сама Рицуко.

Увидев котенка – а она обожает кошек, – Рицуко позабыла все на свете и сразу подхватила его на руки.

– Как его зовут? – спросила она, лаская мягкую шкурку зверька, уютно устроившегося у нее на коленях. Котенок жмурил пронзительно-желтые глазенки и громко мурлыкал. Кошки тоже любят Рицуко. Я отчаянно позавидовал ему – мне бы на его место. Но вот беда – я не умею так муркать и вряд ли Рицуко примет меня за котенка. Что ж, котенку – котенково, а Рэйдзиро – Рэйдзирово. Буду довольствоваться тем, что имею и не замахиваться на большее, а то потеряю и это. Не хотел бы я увидеть, как теплый свет пусть всего лишь дружбы в глазах Рицуко прорастает ледяными кристаллами отчуждения. Лучше уж так.

– Это не он, а она, – сказала Сумирэ. – Мы еще не придумали. Может ты ее назовешь?

– Я? – удивилась Рицуко. – Ну хорошо. Как насчет Химицу?

Тайна? Хмм... Я посмотрел на котенка. После женщин кошки самые таинственные создания в мире. Почему бы и нет? Я согласился с выбором Рицуко, остальные тоже не возражали.

Рицуко наконец-то вспомнила про пакет, который зажала под мышкой и вручила мне его. Очередные печенья. Я терпеть не могу сладкого, но чтобы порадовать Рицуко, съем еще и не такую гадость. Ну, сегодня не все так страшно – Сумирэ и Тэцуру наоборот, великие сладкоежки, так что

от этих печений вскорости и воспоминаний не останется.

И я пошел заваривать чай.

Химицу, чтобы не мешалась, пришлось не время запереть в студии.

Мы пили чай и беседовали на отвлеченные темы, как и полагалось во время тяною.

Я внимательно разглядывал своих гостей. Сумирэ и Тэцуро я знаю давно, но они для меня до сих пор – темные лошадки. Я часто ловлю на себе пристальный взгляд карих глаз Сумирэ. Она как будто следит за мной. Если бы я не был так уверен в том, что она встречается с Тэцуро, я мог бы заподозрить, что она влюблена в меня. Непонятно, чего она хочет – словно изучает.

Сумирэ настоящая красавица. Высокая, стройная, с большими глазами, похожими на вишни. Но мне все-таки больше нравится Рицуко, хотя в красоте она заметно уступает Сумирэ. Танака слишком себе на уме, хотя поначалу и производит впечатление открытости. А Рицуко непосредственная, как ребенок, всегда говорит то, что думает, но в такой форме, чтобы случайно не обидеть. Поэтому на нее совершенно невозможно обижаться. У нее есть целая вселенная тайн и загадок. Кажется, что вот-вот разгадал одну и все стало ясно. Ан нет, в следующий раз она озадачит еще одним секретом. И так без конца. Это не кошку, а Рицуко надо было назвать Химицу.

Тэцуро, в отличие от красотки Сумирэ, совершенно обыч-

ный парнишка с ничем не примечательной внешностью. Пройдешь мимо такого и не вспомнишь потом. Но он гениальный программист и веб-мастер.

Официально Тэцуру и Сумирэ считаются парой, но у меня складывается впечатление, что их отношения – игра на публику, а на самом деле их мало что связывает. Но психолог из меня никакой, так что я могу ошибаться. В конце концов, меня это не касается.

Больше меня интересует, что сегодня привело ко мне Рицуко. Обычно о своих визитах она предупреждает заранее, хотя и знает прекрасно, что я рад видеть ее в любое время. Сейчас ее глаза хитро блестят очередной загадкой, и она временами улыбается своим мыслям, рассеянно поддерживая беседу.

Ну-ну, подождем, посмотрим, что за сюрприз приготовила сегодня малышка Рицуко. Малышка не в смысле возраста, на самом деле она старше меня на пару-тройку лет. Я имею в виду ее рост. Она едва достает мне до плеча. Маленькая, хрупкая, так и хочется защитить ее от всего. Увы – Рицуко не нуждается в защите. Ни в моей, ни в чье-либо еще. Она сама кого хочешь защитит.

Я отвожу взгляд от Рицуко, к которой меня тянет, словно магнитом и натываюсь на ехидную усмешку Сумирэ. Нет, ну в самом деле, никак я не возьму в толк, что ей от меня нужно. Спрашивать неловко, а сама она ничего не говорит, просто смотрит немигающим взором.

Оказывается, Рицуко припасла для меня дискету со своим новым творением. Не терпится посмотреть. Надо чем-то занять гостей на это время. Придется показать сегодняшние наброски. Тэцуро и Рицуко увлеченно их рассматривают, а Сумирэ, похоже, это мало интересует. Ну и черт с ней. Она идет к моему старому синтезатору, оставшемуся с тех пор, как я возомнил себя великим музыкантом. Музыкант из меня оказался никакой, а синтезатор прописался в моей студии, как напоминание о недостижимых вершинах, чтобы я не зазнавался.

Батюшки, Рицуко опять сочинила что-то совершенно потрясающее!

3. Танака Сумирэ. Композитор

Музыкальная радуга.

До – красная, ре – оранжевая, ми – желтая, фа – зеленая, соль – голубая, ля – синяя, си – фиолетовая.

Я перекладываю на музыку картины Рэйдзиро. Но он об этом и не подозревает. Он вообще не замечает ничего, кроме своих картин и... Рицуко. Я же знаю, что во всех его рисунках, набросках, картинах везде она. Даже если он пишет пейзаж, все равно, в нем будет чувствоваться присутствие Рицуко. Только совершенно слепой или полный дурак не догадается, почему Рэйдзиро расцветает, как хризантема, при виде Асимуры. Однако, Рицуко хоть и трудно назвать слепой или дурочкой, тем не менее ни о чем не догадывается. Она слишком погружена в свой фантастический мир творчества. Бедняжка Рэйдзиро. Остается только посочувствовать ему.

Чего у Асимуры не отнимешь – так это ее талант. Изпод ее пера выходят шедевры. В сочетании с иллюстрациями Рэйдзиро они превращаются в поистине неземные. Пару раз я даже сочиняла музыку на ее стихи, хотя она в основном пишет прозу. Получившиеся песни были слишком... странными, чтобы стать хитами, но в определенных кругах все-таки получили известность.

Из всех нас только Тэцуро какой-то не такой. Как ненор-

мальный составляет какие-то программы для компьютера, сыплет непонятными словечками и все носится с идеей создать идеальный сайт в Интернете. При этом он забывает, что любой идеал на самом деле не достижим. То, то вчера казалось верхом совершенства, к которому стоит стремиться, завтра уже окажется пройденным этапом. Но Тэцуро временами упрям как осел и ничего слушать не хочет. Лично меня вполне устраивает, как он оформил мой сайт. Он сам остался недоволен, но его мнение уже никого не интересует. А судя по отзывам поклонников моего творчества – понравилось не только мне.

И все-таки Тэцуро незаменим. Что бы я делала без него? Он специально для меня составил программу, благодаря которой моя музыка приобрела совершенно потустороннюю окраску. Похоже, что я нашла какое-то абсолютно новое направление в музыке.

Мы с Тэцуро все время рядом, мы даже живем вместе, как ни странно. Дело в том, что Тэцуро нравятся юноши, а мне девушки. Но об этом мало кто знает. Я до сих пор поражаясь тому, что к Рэйдзиро Тэцуро относится как к хорошему другу, не больше, хотя именно такие парни ему всегда нравились. Зато я... Ну чем я хуже Рицуко? Когда я вижу, как Рэйдзиро радуется, увидев ее, мне становится завидно – во мне он видит только подружку Тэцуро и относится ко мне слегка настороженно, словно в чем-то подозревает. А может, мне это только кажется...

Наверное, не стоит так часто ходить к нему, но Тэцуро то и дело напрашивается к Рэйдзиро, говорит, что только у него можно как следует расслабиться. Не знаю, как насчет расслабления, а вот вдохновение я действительно черпаю именно там.

На сей раз Тэцуро было попросту лень приготовить что-нибудь на обед, я вообще готовлю так, что моей жратвой можно только врагов пытаться, поэтому мы снова поперлись к Фудо – Рэйдзиро помимо всего прочего еще и стряпает отлично. А вообще, есть ли что-то, что он делает не отлично? Лично я с таким не сталкивалась.

Едва мы закончили обедать, пришла Рицуко. Сегодня она была какая-то рассеянная. Единственно, котенок, которого мы с Тэцуро притащили, на некоторое время привлек ее внимание. Этого и следовало ожидать. Кошки и те интересуют ее больше, чем Рэйдзиро. Она ведь даже не заметила, что ради нее Рэйдзиро переоделся в чистую одежду – при нас он ходил в рубашке, о которую, похоже, вытирал свои кисти во время рисования.

После чая Рицуко вытащила из кармана дискету – по всей видимости, с очередным своим шедевром и передала ее Рэйдзиро. А он притащил папку с новыми рисунками. Тэцуро вместе с Рицуко углубились в их изучение, Рэйдзиро с тоской покосился на компьютер в углу – ему не терпелось ознакомиться с содержанием дискеты, но врожденное чувство такта и гостеприимства не позволяло ему бросить своих

гостей без присмотра.

Я пожалела Рэйдзиро, ничего, его рисунки я успею посмотреть и попозже, и со вздохом переместилась к его старенькому синтезатору. Когда-то он занимался музыкой, но дальше любительского исполнения не ушел.

Я пощелкала рычажками на пульте и провела рукой по клавишам. Мелодичный перезвон колокольчиков словно осветил помещение.

Рицуко и Тэцуро подняли головы от рисунков, Рэйдзиро замер возле компьютера, даже кошка, только что окрещенная Рицуко Химицу и та зыркнула на меня своими желтыми глазами.

Пальцы нежно касаются клавиш, сплетая нити нот в тончайшее изысканное кружево мелодии. Я импровизирую.

Когда я заканчиваю, Рицуко встает с дивана и скользящим кошачьим шагом – наверное, в прошлой жизни она была кошкой, потому-то кошки ее за свою считают, – подходит ко мне. Глаза у нее из-под затемненных очков как-то странно сверкают.

– Сумирэ, – говорит она. – А ты слышишь музыку сердца? Ты можешь ее сыграть?

Да уж, от Рицуко можно ожидать чего угодно. Ничего себе вопросик! А в самом деле, что такое музыка сердца? Слышу ли я ее? Разве есть что-то, чего я не могу сыграть? Вот задала задачку!

4. Ямасира Тэцуро. Программист

М-м-м, ну действительно, до чего же хорош Рэйдзиро! Высокий, с атлетической фигурой, больше подходящей для воина, а не художника. Темные длинные волосы собраны в хвост, в зеленых глазах прыгают озорные чертики. И почему я до сих пор в него не влюбился? Хотя нет, это даже хорошо, иначе мое сердце было бы разбито, ведь Рэйдзиро нравится Рицуко. А Рицуко называет его своим лучшим другом – если только она вообще может хоть кого-то считать таковым, так это и есть Рэйдзиро. Друг, но не больше. Рицуко всю себя отдает творчеству и ничего не оставляет для личной жизни. Пока такое положение вещей ее устраивает, у Рэйдзиро нет ни малейшего шанса. Жаль, жаль...

Еще я вижу, как на него смотрит Сумирэ. Обычно она повально интересуется девушками, но на сей раз увлечена Рэйдзиро. Даже непривычно.

Чудно наблюдать за этой троицей – Сумирэ, Рэйдзиро и Рицуко – когда они собираются вместе. Я даже начинаю чувствовать себя лишним. Они настоящие творцы, а я так... техническая поддержка. Хотя элемент творчества присутствует и в моих занятиях.

Но в основном приходится работать по чужим заказам. Это хорошо оплачивается, но удовольствия никакого не доставляет. Одна радость – когда новенькие хрустящие бумаж-

ки полученного гонорара шелестят в кармане. Или когда звонкие монетки веселым ручейком стекают из моей руки в подставленную ладонь продавца. Люблю швыряться деньгами, они у меня надолго не задерживаются.

Сумирэ какая-то странная сегодня. Сыграла что-то такое, звенящее, как хрустальный горошек в золотой чаше. Грустно как-то. И Рицуко тоже слишком задумчивая, должно быть творческий кризис. Один Рэйдзиро лучится улыбкой, как весеннее солнце.

И тут Рицуко как выдаст!

– Сумирэ, ты слышишь музыку сердца? Ты можешь ее сыграть? Я хочу услышать ее и описать. Рэйдзиро, Тэцуру, а вы что скажете? Вы ее слышите?

Та-ак, похоже у девочки навязчивая идея. Какую-то музыку сердца выдумала... Зачем она ей? Все писатели такие ненормальные, что ли? Или только гении наподобие Рицуко?

– Ребят, ну правда, – не унимается Рицуко. – Это ведь не выдумка. Я столько слышала об этом. Почему же я сама не могу ее услышать?

Ой-ой-ой, кажется, это надолго. Рэйдзиро даже вылез из-за компьютера, отложив чтение дискеты Рицуко на неопределенное время.

Я немедленно занял освободившееся место, краем глаза заглянув в писанину Рицуко. Хм, впечатляет. Но моя новая разработка не менее впечатляюща. Только вот, боюсь, никто из них не сможет оценить ее по-настоящему, поскольку

в программах ни черта не смыслят.

Меня неудержимо потянуло чего-нибудь пожевать. Жаль, что от печенья Асимуры не осталось ни крошки. Если быть честным до конца, то большую его часть съел я. Хорошо зная Рэйдзиро, уверен, что среди его запасов ничего вкусенького не завалилось.

Вопрос о музыке сердца в этот вечер так и остался открытым. Похоже, все загрузились им настолько, что подзависли. Рицуко сказала, что еще и в интернете поднимет эту тему на своем форуме. Ну-ну, посмотрим, что из этого получится.

Рэйдзиро пошел провожать Рицуко, коли уж она милостиво согласилась на это, а мы с Сумирэ направились к себе домой. По дороге Сумирэ потихоньку бормотала:

– Музыка сердца... черт бы ее побрал... музыка сердца...

Ну вот, и эта туда же. Это безумие заразно? Тоже крыша поехала?

Дома я уткнулся в комп, обложившись печеньем и конфетами, а Сумирэ под села к своему синтезатору. Мне пришлось надеть наушники, чтобы не слышать диких звуков, извлекаемых ею из многострадального инструмента. Когда я за компьютером, лучше не подходите ко мне близко. Я лучше потом послушаю готовый результат, а пока... У меня тоже появились кое-какие идеи и надо подумать, как претворить их в жизнь.

5. Слияние

Так или иначе, но слова Рицуко не пропали втуне. Даже Тэцуро, хоть и отмахивался от разговоров о музыке сердца, на самом деле призадумался над этим понятием.

Прежде, чем изобразить музыку сердца, ее надо услышать. А как узнать ее?

Как-то сразу вдруг выяснилось, что никто из них не может продолжать свои творческие изыскания без музыки в сердце. Как же они раньше могли обходиться без нее?

Сумирэ раздолбала свой синтезатор в безуспешных попытках сочинить что-то новое. Одолжила у Рэйдзиро на время его старый инструмент и часами просиживала перед ним.

Тэцуро спалил процессор своего компьютера. Пришлось покупать новый, благо недавно получил очередной гонорар. Но работа застопорилась и у него.

Рицуко похудела, голубоватые тени под глазами потемнели. Нетронутая пачка бумаги сиротливо грустила на ее столе. Девушка молчаливой тенью слонялась по улицам.

Рэйдзиро забросил свои кисти и карандаши. Он не мог спокойно спать, видя, как переживает Рицуко и рисовать из-за этого тоже не мог. Он все чаще отправлялся в одиночестве бродить по городу. Удивительно, как это они с Рицуко нигде не встретились.

Диспут на форуме тоже не дал никаких результатов – он

грозил затянуться до бесконечности.

Прошла неделя...

Чудо как всегда пришло незаметно. В телефонном звонке, разбудившем всех четверых на рассвете, никто не различил первых нот желанной музыки...

Ямасира:

Тэцуру после нескольких бессонных ночей не выдержал и отрубился прямо за компьютером. Там и застал его звонок.

Пока сонный программист нашарил телефонный аппарат, звонки прекратились. Но когда промелькнувшая сквозь дрему мысль оформилась в нечто конкретное, Тэцуру проснулся окончательно. Ошалело взглянул на монитор и принялся с невероятной скоростью что-то набирать.

Танака:

Сумирэ снилось, что всех, кто не слышит музыку сердца, сажают в психушку и только она может спасти всех, написав нужную мелодию.

Звонок разбудил и ее. В его нежном журчании девушка спросонья явно различила слово «слияние», словно кто-то шепнул на ухо.

Ошарашенная Сумирэ, продрвав заспанные глаза, с удивлением воззрилась на то, как Тэцуру отчаянно стучит по клавише компьютера и в то же время зажимает трубку телефона между ухом и плечом, пытаясь кому-то дозвониться.

Фудо:

Художник спал на полу, в обнимку со своей катаной, ко-

торой перед тем, как заснуть, с отчаяния искромсал в клочья свои незаконченные полотна – они показались ему слишком фальшивыми, наигранными. Наигравшаяся с обрывками холста Химицу клубочком свернулась возле щеки Рэйдзиро.

Светать только начинало – любимое время Рэйдзиро. Спал он чутко, потому от звонка проснулся сразу. Но в трубке сразу же пошли короткие гудки и он в недоумении вернул ее на место. Спать уже не хотелось.

Снова зазвонил телефон. Оказалось, что это Сумирэ.

– Можно мы придем к тебе прямо сейчас? Это очень важно...

Асимура:

Рицуко без сна лежала на своей кровати. Свет был погашен, но с улицы проникало достаточно освещения, чтобы превратить знакомый интерьер в нечто таинственное. Девушка бессмысленно пялилась в еле различимый потолок. Думать ни о чем не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Лицо было мокро от слез, но она этого не замечала. Так она провела уже несколько часов. Близился рассвет.

Телефонный звонок где-то в глубине дома вывел ее из этого странного оцепенения. Потом на некоторое время наступила оглушительная тишина. Но Рицуко словно проснулась.

Она встала и включила свет. Новый звонок поймал ее на пороге комнаты. Это Сумирэ.

– Тэцуро просит, чтобы ты пришла к Рэйдзиро. Прямо сей-

час. Мы уже здесь. Думаю, ты знаешь...

Рицуко даже не удивилась. Она ощутила, что происходит что-то необычное. Это что-то захватило и ее.

Человек, с утра пораньше куда-то спешащий по улице, да еще и при этом то и дело бубнящий что-то в диктофон, если это, конечно, не агент ФБР Дейл Купер из сериала «Твин Пикс», неминуемо вызовет удивление у редких в такое время прохожих. Но Рицуко не обращала на них внимания – странные звонки вызвали у нее столько ассоциаций, мыслей, идей, что она боялась упустить хоть одну и торопливо надиктовывала их на диктофон, перескакивая с одной на другую.

Все:

Обычно аккуратно прибранную студию Фудо трудно было узнать. Кругом валялись обрывки холста, скомканные бумажки, карандаши, дискеты вперемешку с пустыми коробочками из-под еды быстрого приготовления и обертками от конфет. Среди всего этого раздолья беззаботно шебуршилась Химицу.

Взъерошенный Тэцуро слился с компьютером, Сумирэ одной рукой трогала клавиши синтезатора, второй рукой черкая закорючки нот на линованных листах. Рэйдзиरो сидел прямо на полу и лихорадочно рисовал что-то. Длинные спутанные волосы – видимо, проснувшись, он так и не удостоился причесаться, – то и дело падали ему на лицо и он нетерпеливым движением заправлял их за ухо.

– Рицуко, наконец-то! – обрадовался Рэйдзиро. – Только

тебя и ждем, а то Тэцуро без тебя ничего объяснять не хочет.

– Почему не хочу? Хочу. Просто не люблю по десять раз одно и то же повторять. Поэтому объясню один раз всем сразу, – Тэцуро соизволил оторваться от компьютера. – Нам нужно объединить наши усилия. Я делаю наш общий сайт – музыка Сумирэ, рисунки Рэйдзиро и тексты Рицуко. Вместе это и есть музыка сердца.

– Так просто? – ахнула Рицуко.

– Все гениальное просто, – без лишней скромности заявил Тэцуро. – Смотрите, что у меня уже получается.

На заоблачном фоне ритмично пульсировало стилизованное 3D сердце. Вокруг него золоченой лентой колыхалась строка нотной записи. Преливчатые буквы сообщали название сайта: «Music of the heart». Через несколько секунд ноты разлетелись стайкой, сердечко распахнулось на две створки, открывая следующую страницу.

Огненные буквы на черном фоне с белыми контурами готического замка. Текст повествует о чем-то мистическом и пугающем. Тревожная, гнетущая музыка. Блуждающий огонек высвечивает контекстное меню.

Щелчок мышью и все меняется. Светлый сияющий фон, медленно протаивающий сквозь него рисунок небесного города и ангелоподобных созданий. Музыка нежная, настраивает на благоговейно-возвышенный лад. Текст голубого цвета и содержание соответствует оформлению.

Неизгладимое впечатление. Слабонервных просьба

не беспокоиться. Похоже на катание на американских горках.

– Тэцуро, это... это.. это просто чудо какое-то! – наконец-то восхищенно выдохнула Рицуко.

– Нууу, – смущенно протянул Тэцуро. – Я использовал ваши старые работы. Пока только две странички успел сделать, да еще об авторах раздел.

В разделе «Авторы» всего четыре скромных кнопочки с условными значками и без каких-либо подписей. Перо – видимо обозначает Рицуко, кисть – скорее всего, Рэйдзиро, нота – явно Сумирэ и паутина – наверное, имеется ввиду паутина интернета, значит, Тэцуро.

Нажатие на кнопку открывает ранее скрытый слой.

Рамка с фотографией. Фотографий на самом деле несколько, они сменяют одна другую автоматически в одной рамке. Текста немного – фамилия, имя и совсем чуть-чуть об увлечениях. Кратко, но емко, с легкостью можно представить, что это за личность. Даже без фотографии.

Ямасира Тэцуро. Рамка фотографии словно выточена из льда и изукрашена морозным узором. Медленно кружащиеся на синем фоне снежинки усиливают впечатление зимы и холода. Практически на всех фотографиях Тэцуро за компьютером. За одним исключением – когда он стоит на улице, задрав голову к небу и приложив ко лбу руку козырьком. Его замечает снег.

Танака Сумирэ. Фотография по периметру усыпана мер-

дающими звездами, летящие кометы яркими вспышками расчерчивают черный фон. Сумирэ у синтезатора, Сумирэ с гитарой и микрофоном – о, она еще и поет! Сумирэ в темноте у зеркала, освещенная единственной свечой. И очень неожиданная фотография – Сумирэ на пляже в нескромном купальнике.

Асимура Рицуко. Рамка похожа на венок из ярких цветов. Кругом порхают пестрые бабочки. Рицуко что-то пишет, кто знает, очередной шедевр или просто письмо. Рицуко в кимоно и с чашкой чая в руке. Теперь она составляет икэбану. А вот спит в гамаке и на нее сверху падают цветы. Или качается на качелях.

Фудо Рэйдзиро. Осенний листопад кружит по фону. Фотографии обрамлены золотым вензелем опавших листьев. Рэйдзиро у мольберта, оглядывается через плечо. Мокнет под проливным дождем – он тогда ждал Рицуко, а она почему-то запаздывала. Полулежит на толстой ветке цветущего дерева – не того ли, под которым в гамаке спала Рицуко? – в зубах зажат карандаш, из кармана рубашки торчит свернутый в трубочку лист бумаги, в руке горсть цветов. И абсолютно уникальная фотография Рэйдзиро во время тренировочного поединка на катанах.

Тэцуро устало потер покрасневшие от недосыпа глаза.

– Шедевр, – констатировала Сумирэ.

– Не то слово, – с уважением подтвердил Рэйдзиро.

Рицуко машинально перемотала ленту в диктофоне назад

и включила воспроизведение.

«Я пишу то, что приходит мне в голову. Все подряд. Мои мысли зависят от того, что я вижу вокруг, слышу, читаю... И все же они ни от чего не зависят. Сами приходят, сами уходят. Наверное, там где они живут постоянно, находится неисчерпаемый источник тем и сюжетов.

В интернете я знаю одного человека, который пишет лучше меня. Мне так никогда не написать. Я даже слегка завидую. Почему придумано так мало слов для чувств и ощущений? Их описывать сложнее всего.

Интересно... Может ли Рэйдзиро нарисовать тишину? Или печаль? Или смех? Сумеет ли Сумирэ сыграть свет и тьму, тепло и холод? А Тэцуро – может ли он своими программами заставить других ощутить то, что ощущает он? Может быть нам стоит попробовать делать все это вместе?

Мне кажется, что я различаю первые аккорды музыки сердца...»

Услышав последнюю фразу, Сумирэ шагнула к синтезатору. Пальцы запорхали по клавишам стрекозами над гладью пруда.

Странная, но чарующая мелодия разлилась в воздухе, вызывая непонятные, волнующие ощущения, проникающие в глубину души. Голос ветра, танец звезд, тепло солнечных лучей и еще много всего-всего.

Музыка стихла. Рицуко выпрямилась и в наступившей тишине с закрытыми глазами совершила несколько плавных

и в то же время ломаных движений, исполняя какой-то завораживающий безмолвный танец. Это было впервые, когда они видели, чтобы Рицуко танцевала. Ее невероятная пластика и грация поражали. Дикий и выразительный танец под музыку сердца.

– Да, – выдохнула Рицуко, открывая глаза. – Это она.

Рэйдзиро поднял с пола свою папку и молча продемонстрировал последний рисунок. Еще не законченный, но уже претендующий на исключительность.

Небрежные, словно размазанные штрихи складывались в очертания лиц и фигур. Сине-голубые тона – растрепанная шевелюра и бесхитростная физиономия Тэцуру в водовороте сверкающих дисков. Розово-сиренево-красные брызги с незначительной примесью черного складывались в замысловатую прическу Сумирэ, ее выразительный взгляд, вихрь нот на струнах и микрофон. Разными оттенками зеленого и кремового, словно порывом ветра, разметались длинные волосы Рицуко, держащей на протянутых ладонях горсть иероглифов и улыбающейся так открыто. И оранжево-коричневые пятна с лимонными росчерками – сам Рэйдзиро с катаной, тонкой радужной линией разделяющей его лицо пополам, и палитрой вместо щита. Фигуры незаметно перетекали одна в другую без резких цветовых переходов, сливаясь во что-то единое целое, не имеющее определенных границ.

– Теперь я точно знаю, – сказала Рицуко. – Слияние...

В руке – тишина.
Сладкие звуки звезд —
Слезы огня.
Нарисовать мечту,
Выпить небо до дна
И умереть...

Снег последних стихов.
Памяти жадный плен.
Радуга чувств.
Заглянуть в себя —
Все ответы здесь.
Все бесконечно...

Сияние слияния.
Сила единства душ —
Музыка сердца.
Танец цветка во тьме,
Ветер звенит в волосах.
Песня, которой нет...

А Сумирэ снова заиграла свою немислимую музыку...

6. Музыка сердца

Сумирэ:

У каждого своя музыка сердца. А у нас она оказалась общей.

Я вижу, как расцветают самоцветы в недрах земли, я слышу, как растет трава, я знаю, о чем мечтает тающая снежинка. Я ловлю дыхание всего сущего и извлекаю его из своего инструмента. Я протягиваю всем клубок миров и вероятностей. Мои перламутровые сны диковинными птицами разлетаются во всех направлениях. Ловите! Я дарю их всем желающим.

Моя песня звездопадом оставляет тающие следы на бархатном песке ночи. Мой голос эхом вальсирует с ветром.

Я играю музыку сердца всем тем, кто сможет и захочет ее услышать.

Тэцуро:

Нестерпимый блеск сияющей темноты. Пустота черных дыр. Таинственные пиктограммы на ржавых скалах моей воли. Мистерия звука и света. Фейерверк чувств.

Я лечу по бесконечной спирали эволюции, разгоняясь с каждым витком все больше и больше, превращаясь в биты информации. Мои мысли принимают горячую ванну в центре Солнца. Я продираюсь через бурелом математических символов и литералов, оставляя за собой стеклянную плос-

кость отлаженного сценария.

Я составляю программу музыки сердца для того, кто поймет меня, для того, кто такой же, как и я.

Риццо:

Моя фантазия отправилась в дальнейшее путешествие и непрерывно шлет телеграммы со своими впечатлениями. Кипящая лава идей бурным потоком изливается из жерла вулкана. Страхи, опасения, сомнения испаряются, как вода с раскаленной плиты. Сюжеты возникают со скоростью пекущихся блинчиков – только успевай переворачивать.

Я бросаю весла – пусть моя лодка плывет туда, куда несут ее волны и ветер судьбы. Время лепестками роз и фиалок утекает сквозь пальцы. Ароматные курительные палочки невероятных историй затуманивают жизненное пространство причудливыми клубами дыма и дурманящим благоуханием. Колесо Фортуны позолоченным ободком дразнище улыбается мне. Я подбрасываю вверх серебряную монетку луны и слежу за ее полетом, отраженным в небесной реке.

Я описываю музыку сердца для того, в чьем зеркале души я вижу свое собственное отражение. Мой зазеркальный друг, ты еще не знаешь, что я угадала тебя. Потерпи еще немножко, наступит и наш черед...

Рэйдзиро:

– Дзинь-дзинь, – звенят по беломраморному полу гранями с изящной насечкой золотые колечки моих слов.

Я выпускаю из клетки птицу своего счастья. Лети! Да бу-

дет легким твой путь!

Может быть, мы когда-нибудь встретимся еще.

Я сажаю в закатные облака небывалые цветы своих грез и мечтаний. Когда они расцветут, небо превратится в благоуханный сад, в котором будут жить поющие ангелы.

Серебряный корабль моей жажды творчества стремительной птицей рассекает волны душевных метаний и ветер вдохновения раздувает его рассветные паруса. Неисповедимы его пути.

Щемящая нежность баюкает сердце в своих мягких объятиях и поет ему колыбельную печали.

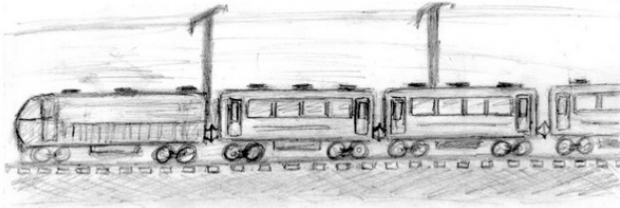
Я рисую музыку сердца – рисую ее для тебя. Я знаю, что теперь ты можешь слышать ее, ты можешь описать ее словами. А я рисую, соткав в единое полотно угольные штрихи ночи, пастельные мелки радуги, белила зимних холодов, низанные бисеринки чувств и свет твоей улыбки.

Все что есть у меня – твое. Об этом поет мое сердце. И это только начало.

Открой свое сердце другим и ты услышишь его музыку...

06. 06. 2003

Поезд

Обожаю поезда. Просто с ума по ним схожу. Разве это не потрясающе – мощные закопченные локомотивы, влекущие за собой длинную вереницу вагонов, когда пассажирских, когда товарных. Или восхитительно-округлые сигары цистерн с взрывоопасной начинкой. Или караван грузовых платформ, нагруженных то щебенкой, то песком, то бревнами, а то и странной зачехленной техникой, скрывающей свои очертания под выгоревшим брезентом.

Даже на вокзале уже ощущается непередаваемая атмосфера странствия. Люди куда-то едут, откуда-то приезжают... Шум, гудки тепловозов, голоса инопланетян, объявляющие о прибытии или отправлении составов.

Любоваться поездами и железнодорожными путями, осо-

бенно с высоты путепровода, можно бесконечно.

Однако, есть кое-что и получше.

Например, купить билет и сесть в один из этих замечательных вагонов. Пусть везет меня в далекие края. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Самое главное не цель поездки. Это сама поездка.

Наслаждаться каждой минутой путешествия. Мягкое покачивание вагона, баюкающий перестук колес по бесконечным параллелям рельсов, эхом перекликающийся с ритмом сердца. Лучше всего, если полка будет верхняя – так интереснее. Забираться на нее, подтягиваясь на руках, а потом спрыгивать вниз.

Жесткие, словно накрахмаленные простыни, плоские, хлипкие подушки. Раздвижные занавесочки в половину окна и поверх них светонепроницаемая шторка со сложным замочком-защелкой, который обычно почему-то не работает. Крохотный металлический столик, притулившийся к этому самому окну. Откидные сетчатые полочки для вещей, крючки для полотенец и верхней одежды, зеркало на купейной двери. Отполированные до блеска дверные ручки с обеих сторон. Узкий коридорчик, где трудно разойтись двоим – неизменный путь к плюющемуся кипятком разъяренному кипятильнику-титану, возле которого аккуратно дожидаются своего часа кочерга, совочек и ведерко с углем. Непередаваемый вкус дорожного чая в обязательных граненых стаканах со стальными подстаканниками и трогательная пара ку-

сочков рафинада, отдельно упакованных в милую оберточку с нарисованным поездом. Картинки бывают разными, можно собрать целую коллекцию.

Неповторимое ощущение со своеобразным привкусом. . .

А ведь есть еще откидные стульчики-хлопушки в коридорчике. Как только встаешь с такого стульчика, он с оглушительным хлопком припечатывается к стене на свое законное место, поэтому в ночное время настоятельно рекомендуется осторожно придерживать его рукой, дабы не разбудить весь вагон, включая проводника – вот уж с кем ссориться не советую. Во время поездки он здесь царь и Бог.

Или окна, в которые здорово высовывать разгоряченную от восхищения и впечатлений голову, хотя это и строжайше запрещено. Ветер странствий, мощным потоком бьющий в лицо, на поворотах можно увидеть хвост и начало состава, в котором едешь. Главное, не зазеваться и не проглыдеть какой-нибудь попутный столб или еще хуже – туннель или встречный поезд. Тут самое важное вовремя втянуть голову обратно, иначе велик риск потерять ее окончательно и весьма болезненно.

Ночью возле окна тоже интересно – почти ничего не видно, только какие-то далекие огни и зарницы. Они манят, зовут к себе так, что хочется немедленно дернуть стоп-кран, прыгнуть с подножки и отправиться к ним.

Пока поезд идет, там, за окном, совсем другой мир, иное измерение.

А вагон-ресторан, попасть в который можно только пройдя несколько других вагонов? В местах сцепки трясет особенно сильно и пугающе-завораживающе мелькает с бешеной скоростью земля с поперечинами шпал, слившихся в серую ленту.

Возбуждение от возможного риска...

Даже вечно работающие с перебоями туалеты добавляют остроты в поездку.

Весело...

Случайные попутчики иллюзорны – становятся почти родными, но едва путешествие подойдет к концу, они смешаются с безликой гулкой толпой на вокзале и растают, словно наваждение.

Мне жаль тех людей, кто не может оценить всей прелести подобных переездов и предпочитает поездкам самолеты. Они многое теряют.

О, вот и моя станция! Мне пора. Может, когда еще и встретимся.

Счастливого пути!

29. 05. 2003

Цветы

Разноцветные лепестки на фоне изумрудных переливов
листья лежат дрожащими мазками.

Я кружу вокруг букета, расположившегося в причудливой
вазочке, и ловлю каждое неповторимое мгновение его мед-
ленного умирания. И без того век цветов недолог, а срезан-
ные цветы живут еще меньше. Даже в их аромате чувствует-

ся угасание.

Я люблю цветы, хотя мало кто об этом догадывается – мое внешнее равнодушие, непрошибаемый имидж железной леди не позволяют предполагать наличие у меня подобных слабостей. И, тем не менее, я люблю их.

Я люблю все цветы. Одни больше, другие меньше, но все равно люблю.

Но мне не слишком нравятся цветы в букетах. Они еще не мертвые, но уже умирающие. Агония цвета тающих лепестков...

Я предпочитаю живые цветы. Те, что растут на клумбах, на полянах, дома на подоконниках в красивых горшочках. Пусть они тоже отцветают, когда проходит их недолгий срок. Но в этом уже нет той скорбной трагичности, которая невольно ощущается при виде даже самого распрекрасного букета. Просто я знаю, что на месте отцветших и на следующий год снова будут цвести живые цветы.

Нет уж, не надо мне мертвых букетов. Хорошо, что мне их никто не дарит. Лучше я буду любоваться теми цветочками, которые попадутся мне навстречу во время моих непредсказуемых прогулок.

Может быть, это будет лесная поляна со снежными капельками ландышей. Я даже слышу, как звенит от их тонкого аромата воздух – словно хрустальный колокольчик. Или кремовые и сиреневые с золотой пушистой серединкой сияющие чашечки первоцветов, может темно-голубые и лило-

вые фонарики медуницы. А вдруг – лужок, весь в золотых веснушках солнечных одуванчиков.

Возможно, это будет чей-то сад, полный королевского величия роз, совершенного изящества лилий, гордой надменности гладиолусов, прихотливых изгибов ирисов, целеустремленных тюльпанов и дерзких нарциссов. Если там будут цвести одни только деревья и кустарники, это тоже здорово. Нежность вишневого цвета, точеные лепестки яблонь, кудрявые чубчики сирени, черемуховые облачка... Или звездочки жасмина, хрупкие гроздья акации и пушистые крошечные помпончики мимозы...

Цветов слишком много, в их волнующем благоуханном великолепии нетрудно потеряться до головокружения.

Если слишком долго вдыхать их аромат, то можно увидеть Страну Цветов.

Название этой сказочной страны говорит само за себя. Там кругом одни цветы. Самые невероятные, живые, говорящие цветы. В этой стране не бывает зимы. Только весна, лето и самое начало осени.

Уходить отсюда не хочется, но надо. И чем скорее, тем лучше. Местные жители с недоверием относятся к чужакам, да и длительное пребывание отрицательно сказывается на здоровье. В лучшем случае удастся отделаться головной болью.

Цветы – это маленькое быстротечное чудо. Когда мне грустно и нестерпимо хочется хоть чего-нибудь волшебного...

го, я иду к цветам и разговариваю с ними. Правда, зимой приходится довольствоваться каким-нибудь умершим между страниц толстого тома высушенным цветочком. Его слабый, пожелтевший пергаментный аромат навевает весенние воспоминания ожидания несостоявшейся встречи с чудом.

Без цветов мир потеряет свое волшебство.

10. 07. 2003

Цвета

С недавних пор я заметила, что у меня уже нет любимого цвета. По привычке я называю своими любимыми цветами черный и красный, потому что так было на протяжении долгих лет. Теперь я затрудняюсь ответить на этот простой вопрос. Мое цветовое предпочтение целиком и полностью зависит от моего настроения.

БЕЛОЕ НАСТРОЕНИЕ Холод снега, непогрешимость ангелов, невинность белых лилий, облака, плывущие в даль. Совершенство. Очищение. Ослепительное сияние. Слезы. Хрупкость. Невеста в свадебном платье.

Я слишком добра ко всем и кажусь намного лучше, чем есть на самом деле.

ГОЛУБОЕ НАСТРОЕНИЕ Ясное, недостижимое небо. Наивные глаза ребенка. Безупречная вера. Прохлада. Букетик незабудок. Драгоценная бирюза в серебряной оправе.

Я невозмутима и уравновешена.

РОЗОВОЕ НАСТРОЕНИЕ Нежность. Рассветные облака. Утренние грезы. Мягкость. Уют. Мечты. Юность. Волшебство. Состояние влюбленности. Романтика.

Безоблачно-радостное, утонченно-нежное настроение.

СИРЕНЕВОЕ НАСТРОЕНИЕ У всех, кого я спрашивала, сумерки серого цвета, а у меня почему-то сиреневые. Вечерняя прохлада. Гроздь душистой сирени в наступаю-

щих сумерках. Все кажется нереальным. Мистика.

Немного грустно, но таинственно.

КРАСНОЕ НАСТРОЕНИЕ Любовь, страсть, агрессия. Самоуверенность. Алые розы и сердечки валентинок. Вкус клубники на губах, накрашенных ярко-алой помадой. Раньше это был мой любимый цвет – вместе с черным. Кровь и боль. Решимость. Упорство. Непокколебимость.

Боевое настроение – можно перевернуть весь мир.

ОРАНЖЕВОЕ НАСТРОЕНИЕ Караван верблюдов, неспешно бредущий по песчаным барханам на фоне заходящего солнца. Горы апельсинов – твердых золотисто-оранжевых мячиков. Свежезаваренный чай. Осень. Первый осенний лист, упавший на землю. Огонь в камине.

Жизнерадостное, жизнеутверждающее настроение.

ЖЕЛТОЕ НАСТРОЕНИЕ Солнце, конечно, солнце. Много-много солнца. Лето. Тепло. Тонкий кружок лимона в моей чашке чая. Сочное желтое яблоко с несколькими красными полосками. Спелый банан. Пшеничное поле.

Я люблю всех – такое вот настроение всеохватывающей, всепоглощающей любви.

ЗЕЛЕНОЕ НАСТРОЕНИЕ Лес. Папоротники. Ландыши. Весна. Босиком по росистой траве ранним утром. Надежда. Спокойствие. Уверенность. Свежесть. Вкус мяты.

Всепрощающее настроение – никто не сможет меня обидеть, а если и обидят – я их прощу.

СИНЕЕ НАСТРОЕНИЕ Вода. Много воды – целое мо-

ре. Покой. Надежность. Венок из васильков, струящееся вечернее платье из атласа и к нему кулон-подвеска в виде сердца – подделка под знаменитое «Сердце океана».

Я чувствую себя словно под чьей-то защитой.

ФИОЛЕТОВОЕ НАСТРОЕНИЕ Пару лет назад я неожиданно для себя полюбила фиолетовый цвет. Грозовые тучи, спелые плоды сливовых деревьев, два моих любимых камня – чароит и аметист.

Грусть переходит в печаль.

КОРИЧНЕВОЕ НАСТРОЕНИЕ Финики, чашка дымящегося ароматного кофе – странно, я ведь раньше терпеть не могла кофе. Шоколад – любимая добавка во все кондитерские изделия: шоколадное мороженое, шоколадные торты и конфеты с коричневой начинкой.

Теплое, уютное домашнее настроение.

СЕРОЕ НАСТРОЕНИЕ Кто сказал, что тоска зеленая? Ничего подобного – она серая. Туман, пыль, нудный дождливый день. Скука. Лень. Усталость. Седина. Старость. Занудство.

Слишком скучно, чтобы что-то делать, слишком устала, чтобы чего-то хотеть.

ЧЕРНОЕ НАСТРОЕНИЕ Ночь, мрак, глубочайшая депрессия. Какого цвета пустота? Ближе всего к черному. Ужас. Отчаяние. Беспросветность. Ненависть. Нет выхода. Саморазрушение. Смерть. Один из моих самых любимых цветов с давних пор. А что поделаешь – мрачно-депрессив-

ное настроение с элементами психоза у меня преобладает. Даже если я стараюсь разбавить его яркими красками других цветов.

Вот такая вот у меня палитра.

27. 05. 2003

Время

Время – это стихия.

Непостижимая, неподвластная никому стихия разрушения.

Даже боги склоняются перед ней.

И в то же время его можно сравнить с любой из четырех основных стихий.

Оно – словно огонь. Всепожирающее пламя времени испепеляет целые цивилизации. Его невозможно погасить. В пожаре времени все сгорает бесследно.

Опаленные временем.

Время – словно вода. Быстротечная река времени увлекает вниз по течению и нет никакой возможности повернуть ее вспять. Время всемирным потоком поглощает живое и неживое, не оставляя ни малейшего шанса на спасение.

Поглощенные временем.

Время – словно воздух. Ветер времени веет над миром. Его движению подчинено все без исключения. Бушующий ураган времени захватывает, уносит за собой. И не вырваться из его объятий.

Развеянные временем.

Время – словно земля. Пески времени тихо шепчут свои тайные заклинания, незаметно превращая все в пыль, в прах. Этой магии нечего противопоставить.

Запорошенные временем.

Но есть кое-что, неподвластное силам времени.

Вечность.

Бесконечно скучное однообразие застывшей вечности.

Серое тоскливое безумие.

Время – лекарство от этого безумия.

Стоит ли в таком случае искать способ обуздать время, подчинить его себе?

Нет.

Выбор невелик.

Либо ощущать на себе разрушительную мощь времени, но вместе с ем наслаждаться всем богатством разнообразия исчезающих мгновений – неповторимых, как узоры калейдоскопа.

Либо насекомым в капле янтаря навсегда застыть в вечности – одном-единственном миге, растянутом в бесконечность и замкнутом в кольцо Мебиуса.

Почему до сих пор никто не умеет управлять временем?

Потому что на самом деле это никому не нужно.

Не стоит завидовать существующим вечно. Наоборот, их пожалеть надо.

Даже если они захотят отказаться о вечности – не получится. Обладание вечностью – это билет в один конец.

Почему-то никто не ценит то, что имеет до тех пор, пока это не будет потеряно.

А обратного пути нет.

Просто?

На самом деле все всегда намного проще, чем кажется.

И не верьте тому, кто утверждает, что время – лучшее лекарство. Оно всего лишь хорошее успокоительное.

Ах да, кроме вечности время не имеет никакой власти над истинными чувствами.

Вот вам и вся правда о времени.

17. 06. 2003

Два видения

Это было.

Видение первое. Прощание. Лето 2003-го

Ровно семь лет прошло тогда с момента его смерти. Все эти семь лет я помнила его, я зажигала свечу в день его рождения и в день его смерти. Я считала его кем-то вроде своего ангела-хранителя. И мне очень его не хватало...

Накануне меня пригласили на день рождения, где я засиделась до полуночи. Праздновали в летнем кафе, и к вечеру стало скучно и прохладно – несмотря на то, что было лето.

Я сидела в гордом одиночестве, потому что все ушли танцевать. Посмотрев на часы и увидев, что уже полночь, я вспомнила, что наступает очередная скорбная годовщина и мне пора закругляться с гостями, а то как-то нехорошо получается, неуважительно по отношению к нему, что я вроде как развлекаюсь в этот день.

И тут на меня словно накатило.

Это не было видением в прямом смысле этого слова, потому что я ничего не видела. Я словно просто выключилась

из этой реальности в другую, где я не то чтобы даже услышала, а почувствовала его голос.

В этот момент я думала о том, что уже целых семь лет, как его нет в этом мире, и мне стало очень грустно от этого.

И тут неожиданно пришел ответ.

«Не грусти, – услышала я. – У меня все хорошо. Но мне пришла пора уйти окончательно»

«Как?! – мысленно завопила я. – Ты действительно был рядом со мной все эти годы, а я не знала и только в шутку предположила, что ты стал моим ангелом-хранителем! Сколько раз я пыталась обращаться к тебе, а ты всегда молчал и ни разу не дал понять, что ты здесь. И вот теперь, только появившись, говоришь, что тебе пора уходить совсем?! Не уходи! Останься!»

«Я и так задержался здесь слишком долго, – эти слова были исполнены сожаления. – Не проси, чтобы я остался. Отпусти меня, позволь уйти, так надо, это лучше для нас обоих, а для тебя в особенности. Теперь у тебя все будет хорошо, я за тебя спокоен и уже могу оставить тебя без присмотра»

«Ну вот... А я так и не выполнила до сих пор свое обещание, подарить тебе первый экземпляр своей книги, потому что я еще не выпустила ее...»

«Не переживай на этот счет. Можешь больше не думать об этом. Я освобождаю тебя от необходимости выполнять его»

«Ну, если ты так хочешь... но я бы все равно выполнила,

что обещала – как только у меня появилась бы такая возможность... То, что ты умер, для меня вовсе не значило, что я теперь могу про него забыть»

«Я знаю, – он улыбнулся. – Просто не хочу, чтобы ты заикливалась на этом. К тому же, раз я ухожу, это уже не будет иметь такого значения»

«Ты действительно хочешь уйти? И так уверен, что за мной не нужно больше приглядывать? Я отпущу тебя, хотя и не хочу терять тебя снова. Но скажи мне, кто появился в моей жизни, что ты теперь спокоен за меня?»

«Спасибо, что отпускаешь, – ответил он с облегчением, словно боялся, что я могу не отпустить его. – Мне трудно было бы уйти без твоего разрешения... я ухожу, а ты больше не грусти обо мне, потому что это уже напрасно»

«Все равно буду, – упрямо подумала я. – И я никогда не смогу забыть тебя»

«И не забывай, – он улыбнулся. – А грустить ты все же перестанешь. Все, прощай, мне пора»

Раньше я никогда не чувствовала, что он где-то рядом может быть, мне просто нравилось думать, что он мог бы быть моим ангелом-хранителем. Но когда он ушел – я это ощутила. Я поняла, что исчезло что-то, что было раньше, что теперь чего-то не хватает, чего-то важного, значимого, хотя точно сказать, чего именно было невозможно. Просто что-то ушло от меня вместе с ним.

Я очнулась от этого состояния, быстро попрощалась

со всеми и побежала домой. Мне очень хотелось плакать.

С тех пор уже почти два года прошло... Но я действительно, как он и сказал, как-то вдруг резко перестала отчаянно скорбеть о его смерти. Осталась только тихая, светлая грусть – даже без слез. И словно невидимая тяжесть свалилась с меня. А в прошлом году я напрочь забыла про ставшие традицией зажженные свечи в день его рождения и в день его смерти – первый раз за восемь лет...

Видение второе. Одинокая могила посреди заснеженного поля. Осень 2003-го

А это случилось через несколько месяцев после летнего прощания.

Тогда мне было очень плохо... Мои домашние довели меня до такого состояния, что я сначала кромсанула себе руку ножом (так у меня появился первый из ТЕХ шрамов), а потом дошла до такой степени истерики, что впервые в жизни у меня случилось нечто вроде приступа астмы на нервной почве. Короче говоря, я начала задыхаться. Моя комната находится довольно далеко от всех остальных и мои полузадушенные хрипы вряд ли кем были бы услышаны. Но так получилось, что мама случайно проходила мимо моей комнаты и увидела, что со мной происходит. Тут же было забыто, кто и что послужило поводом для всего этого, и мама занялась моим спасением. Учитывая, что я сижу и пишу все это, следовательно, ее попытки были успешными.

Но... когда я пришла в себя, мне стало понятно, что я все-таки успела умереть в тот момент. Кстати, я до сих пор в этом уверена. Такой пустоты и холода внутри я еще никогда не чувствовала. У меня не осталось никаких других чувств или эмоций. Только ощущение бесконечного холодного про-

вала внутри меня.

Меня напичкали снотворным и успокоительными, и уложили спать. Сон был мертвым – таким же мертвым, как и я. Утреннее пробуждение не принесло никаких перемен в ощущениях. Я по-прежнему чувствовала себя живым покойником, ходячим трупом – на манер зомби. А мне ведь еще надо было идти на работу...

Уже выйдя на улицу, я обнаружила, что за ночь выпал первый в том году снег – и очень много.

Но мне это было как-то все равно, весь мир виделся мне словно через сильно запылившееся стекло – серым, тусклым, бесцветным...

И вот пока я в таком помраченном состоянии брела на работу по свежевывавшему снегу, мне привиделось следующее:

Бескрайнее заснеженное поле. Метет метель. Где-то посреди поля высится старый раскидистый дуб. У подножия этого дуба виднеется заметный снегом холмик – без креста или еще какого надгробия, но тем не менее ясно, что это чья-то могила. Неподалеку, боком ко мне, и отвернувшись в сторону могилы так, что мне не видно лица, стоит человек неопределенного пола с достаточно длинными растрепанными волосами, одетый в черное легкое пальто или плащ ниже колен и нараспашку, черные широкие брюки и темные ботинки. На шее небрежно замотан длинный красный шарф. Руки засунуты в карманы. Волосы, полы плаща-паль-

то и концы шарфа рвет снежный ветер, бьющий в спину. И я, хоть и не вижу лица стоявшего, понимаю, что это стою я, и могила – тоже моя. И это я стою и смотрю на свою могилу, в которой я, как видно, лежу уже давным-давно.

Это видение преследовало меня весь день – чем бы я ни занималась. К вечеру я дошла до решения, что живые трупы – явно лишние создания в мире живых и что мне надо довести начатое, пусть и не мной, до конца. То есть, умереть окончательно.

Но сначала я решила закрыть свой дневник в сети, чтоб никто не удивлялся, куда я делась, объявить своим игрокам на игровом форуме, что в связи с преждевременной кончиной их ДМа игра прекращается, ну и попрощаться с теми, кто был мне дорог.

Первым делом я начала прощаться с человеком, которого до сих пор считаю своим лучшим другом. В ответ на мои маловразумительные и бредовые объяснения он очень рассердился и конкретно дал мне по шее – если так можно назвать наезд в аське.

Его речи несколько помогли мне вернуться в реальность, с которой я уже успела попрощаться, я даже почувствовала, что пустота и холод начинают сменяться теплом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.